

Валерий Ковалев

Личный враг фюрера

18+

Валерий Ковалев

Личный враг фюрера

«Автор»

2023

Ковалев В. Н.

Личный враг фюрера / В. Н. Ковалев — «Автор», 2023

Имя этого человека золотыми буквами вписано в историю Российского военно-морского флота. В годы Второй мировой войны о нем писали европейские газеты, а Адольф Гитлер объявил личным врагом

© Ковалев В. Н., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. У синего моря	6
Глава 2. Первые паруса	13
Глава 3. Рабоче-Крестьянский Красный флот	21
Глава 4. Война. Первая победа	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Валерий Ковалев

Личный враг фюрера

Нет выше счастья, чем борьба с врагами,
И нет бойцов подводников смелей.
И нет нам твёрже почвы под ногами,
Чем палубы подводных кораблей...

Герой Советского Союза И.И. Фисанович

Глава 1. У синего моря

Уважая выгодное положение Гаджибея при Черном море и сопряженные с оным пользы, признали Мы нужным устроить тамо военную гавань, купно с купеческою пристанью. Повелев нашему Екатеринославскому и Таврическому генерал-губернатору, открыть тамо свободный вход купеческим судам, как наших подданных, так и чужестранных держав, коим силою трактов с империей нашей существующих, можно плавать по Черному морю, устройство сей Мы возлагаем на вас и всемилостивейше повелеваем вам быть главным начальником оной, где и гребной флот Черноморский, в вашей команде состоящий, впредь главное расположение свое иметь будет; работы же производить под надзиранием генерала графа Суворова-Рымникского, коему поручены от Нас все строения укреплений и военных заведений в той стране. Придав в пособие вам инженерного подполковника Деволана, коего представленный план пристани и города Гаджибея, утвердив, повелеваем приступить, не теряя времени, к возможному и постепенному произведению оного в действие.

(Из рескрипта Екатерины II от 27 мая (7 июня) 1774года)

– Сашка! – задрав вверх голову, прокричал босоногий мальчишка лет восьми, в выцветших штанах и майке. Рядом стояли еще два таких же, загорелых до черноты. У всех в руках удочки и куканы*

На средней террасе дома идущей по его периметру, возник их лет пацан со снастями, сбежавший по ступеням деревянной лестницы во двор. Обычный одесский, с высоким раскидистым тополем в центре и вкопанным под ним дощатым столом с двумя лавками.

– Ну чего орешь? – сплюнул на землю, подойдя ближе. – Время ровно пять утра, как договаривались. – Айда.

Весело переговариваясь и толкаясь, вся компания высыпала со двора. Самого рослого, что кричал, звали Колька Озеров, остальных двух Шурка Зозуля и Ленька Зальцман. Сбежавшего с террасы – Сашка Маринеско. Проживали мальчишки на улице Софиевской по соседству и были друзья – не разлей вода.

Заводилой являлся Сашка, большой выдумщик, романтик и драчун. Колька, в отличие от него был спокойный и рассудительный. Шурка отличался южным темпераментом – был вспыльчивым, но отходчивым, а Ленька, с всегда грустными глазами, имел склонность к созерцательности.

На востоке проклюнулся край солнца, зарозовело небо, стали спускаться по плитняку улицы к морю. Над ним таял легкий туман, стоял штиль, пахло водорослями и йодом.

– Отличный будет денек, – шмыгнул облупившимся носом Шурка.

– На все сто, – согласились остальные.

Улица кончилась, свернули на другую, идущую вдоль побережья. Миновав судоремонтный завод, вышли к кладбищу старых кораблей за ним. Здесь доживали свой век ржавые пароходы с баржами и дебаркадеры*, в море уходил свайный причал с остатками деревянного настила. Взрослые сюда не заглядывали, ходить по нему было опасно.

На золотистом, еще прохладном песке рядом, все быстро разделись до трусов. С хохотом вбежали в воду (была как парное молоко), принялись играть в «жука», догоняя друг друга, топя и ныряя. Накупавшись, вернулись обратно. Прихватив снасти, прошли по трухлявым перекладинам свай далеко вперед. Там, уселись рядком, свесив вниз ноги, наживили червями крючки, поплевав на них, и закинули удочки.

Клев был неплохой. В основном шли бычки, по местному «кругляк», попадались скумбрии и кефаль. Часа через три, на куканах было кило по пять рыбы.

– Ну шо, пацаны, может хватит? – почесал цыпки на ноге Ленька. – Шамать* уж больно хочется.

– Точно, – поддержали его Колька с Шуркой. Сашка, уставившись на поплавок, молчал. Внезапно тот булькнул один раз, второй. Ловко подсек, в руке забился крупный бычок.

– Теперь можно и за шамовкой*, – насадил на кукан.

Все вытащили из воды свои, раскинув в стороны руки и удерживая равновесие на перекладинах, вернулись на берег. Там, спрятав удочки на полузатонувшем буксире, оделись и, прихватив добычу, отправились на ближайший базар. Лучше бы конечно на «Привоз», там цены выше, но, далековато. Тут же совсем рядом – пятнадцать минут ходьбы.

Базар был небольшой, но по южному шумный и разноголосый. Говорили на русском с украинским, молдаванском и идиш*. На лотках продавали мясо с птицей, всевозможные овощи с фруктами, протолкались в рыбный ряд.

– Здравствуйте тетя Цыля, – остановились перед дородной торговой гренадерского роста и с усиками над губой. – Вот, принесли бычков, скумбрии и кефали.

– Бачу, – цепко окинула глазами. И назвала цену.

– Пойдет, – переглянулись друзья.

Ссыпав улов в извлеченную ею из-под прилавка корзину, получили засаленные купюры на всех и, распрощавшись, потолкались дальше. Остановились у хлебного ларька, купив буханку пеклеванного*, в другом, рядом, взяли колбасы «собачья радость», а на лотках с зеленой пупырчатых огурцов и южных мясистых помидоров. На выходе с базара, у безногого инвалида на тележке купили пачку папирос «Дюшес» (спички были), у торговли литровую бутылку кваса и вернулись обратно.

Усевшись в тени буксира, разделили оставшиеся рубли, подкрепились и задымили папиросами. Всерьез этим делом не увлекались, но иногда покуривали втайне от родителей. После снова купались и загорали, лазали по старым кораблям, а когда шар солнца повис у горизонта, опять занялись рыбалкой.

На этот раз чаще попадалась камбала со ставридой, а потом клев закончился.

Когда собирались уходить домой, из дальнего конца «кладбища» показалась стайка ребят.

– Вроде как «приморские», – обеспокоился дальнотзоркий Ленька. – Щас будут залупаться.

– Не дрейфь, – отозвался Сашка. – Если полезут, вломим.

– А то, – поддержали его Колька с Шуркой. – Не вопрос.

Между пацанами с Приморской улицы и теми, что жили на Софиевской, всегда существовала вражда. Почему, никто не знал. Так повелось издавна.

Незванные гости между тем приблизились, их было трое, но постарше. Лет по десяти.

– Ба! Кого я вижу! – радостно осклабился один, рыжий и на голову выше остальных. – Шантрапа с Софиевской!

– Га-га-га – зашлись смехом его дружки.

– Тут не подают, валите дальше, – прищурился Сашка.

– А то шо?

– Увидишь.

– Ах ты ж поц*! – хотел рыжий мазнуть его по лицу ладонью. Не успел. Сашка уклонился и врезал тому кулаком в нос.

– А-а-а! – завопили «приморские». Завязалась драка.

Длилась минут пять, пока Сашка дав рыжему подсечку, не свалили того на песок и уселся сверху. Пыл у противников сразу угас.

– Сдаешься?

Тот, суча ногами, попытался вырваться – не получилось.

– Ладно, сдаюсь.

– Ну, тогда топайте отсюда (поднялся).

– И больше не попадайтесь, еще наваяем, – угрожающе сопя, добавил Колька.

Отойдя на сотню метров, кто-то из тройки прокричал, – ничего, еще сочтемся!

В ответ Шурка засунул в рот два пальца и пронзительно засвистел.

– Моя бабка говорит, драться нехорошо. – Бог накажет, – потрогал распухшее ухо Ленька.

– Брехня, бога нету, – откликнулся Колька. – Мне батька так сказал.

Его родитель считался у мальчишек авторитетом: работал в ЧК, имел орден «Красного Знамени» и ходил с наганом в кобуре.

Когда ополоснули лица в морской воде, у Сашки под глазом начал синеть фингал. Рыжий все-таки его достал.

– Да-а, – протянул Ленька. – Нужно приложить пятак.

– Пройдет и так, – махнул рукой.

Возвращались в первых сумерках. Когда поднимались вверх по своей улице, та пахла жареной рыбой и вареной кукурузой. У Сашкиного дома распрощались, договорившись назавтра идти в порт.

Под деревом во дворе, на лавках сидели несколько мужиков и забивали «козла»*. Слышался стук костяшек, дымили папиросы. Чуть дальше, у сарая, играла дворовая мелкота, на натянутых веревках террасы сушилось белье и перекликались соседки.

Сашка поднялся скрипучей лестницей наверх, отворил вторую по ходу дверь и вошел в квартиру, где проживал вместе с родителями и младшей сестренкой. Состояла она из двух комнат с кухней. Там, за столом во главе с отцом, ужинала семья.

– Вот, принес рыбы, – приподнял Сашка вверх кукан.

– Будет завтра на обед, – встала навстречу мать и нахмурилась, – опять, таки дрался?

– Ерунда, – шмыгнул носом.

– И с кем? – поднял голову от тарелки отец, а сестренка с интересом уставилась на брата.

– С приморскими. Они начали первыми.

– Ну-ну, – разгладил усы и продолжил щербать борщ.

Отца Сашка глубоко уважал. Его звали Иван Алексеевич, был родом из Бессарабии*. В молодости несколько лет служил на румынском миноносце кочегаром. На одной из вахт офицер дал ему ни за что пощечину, матрос в ответ свернул кулаком лейтенанту челюсть. Его тут же взяли под арест и посадили в карцер* (грозил расстрел).

Ночью выпустил стоявший на часах* товарищ.

Вместе прыгнули за борт, и переплыли Дунай. Товарищ остался в Бессарабии, а Иван двинул в Малороссию*. Кусок хлеба имел всегда, поскольку хорошо знал машины и был мастером на все руки. На Полтавщине встретил чернобровую дивчину, поженились и уехали в Одессу. Там нашел работу по специальности – машинистом, вскоре в семье появились дети: Сашка и Валя.

– Мой руки и садись ужинать, – забрала мать у сына улов, определив в кладовку.

Поплескавшись под рукомойником в углу, уселся на свободную табуретку и тоже принялся уплетать постный борщ, заедая горбушкой хлеба натертой чесноком.

Опорожнив миску, сказал «дякую мамо» и отправился в закуток на террасе. Летом любил спать на свежем воздухе. Раздевшись, улегся на койку, укрывшись тонким одеялом, через несколько минут свистел носом. В небе пушисто мерцали звезды, висела желтая луна, на дворе скрипели цикады.

В десять утра вся компания подходила к порту. Его строительство более сотни лет назад начал адмирал Иосиф Де Рибас, а продолжил Одесский губернатор Воронцов. К порту вела помпезная гранитная лестница в двести ступеней, именовавшаяся Потемкинской, весело переговариваясь, сбегали вниз.

Еще шла Гражданская война, торговых судов в порту было мало, но уже ходили пассажирские. Направились к одному из причалов, где стояло такое. На палубе прогуливалась публика, судно готовилось к выходу.

Раздевшись на парапете, попрыгали в воду, замелькали саженками к корме.

– Дядя, брось монету, достанем! – поднял голову вверх Сашка.

С палубы вниз серебристо мелькнуло, мальчишки шустро нырнули туда, где возник всплеск. Пассажиры, опершись о леера*, с интересом наблюдали. Через минуту мальчишки всплыли наверх.

– Есть! – радостно закричал Сашка, демонстрируя полтинник зрителям, после чего сунул его в рот.

С кормы повторили еще несколько раз, ребята ловко доставали со дна добычу. Потом пароход дал длинный гудок, готовясь отойти, матросы отогнали ныряльщиков, те вернулись на берег. Там, отряхнувшись от воды, надели майки со штанами, и двинулись вдоль набережной.

Понаблюдали за работой портового крана и разгрузкой шаланд с рыбой и астраханскими кавунами*, сперев по пути один. Отойдя к дальнему складу, присели в холодке. Имевшимся у Леньки складнем взрезали и зачавкали хрустящей сладостью.

Завершив, утерли щеки руками, а руки о штаны, вернулись к лестнице и неспешно поднялись наверх. Оттуда отправились на Дерибасовскую, где прокатились «зайцами» на трамвае, а потом в Александровский сад. Когда вернулись на Приморский бульвар, часы на здании городской биржи пробили полдень.

– Так, пацаны, – взглянул на циферблат Сашка. – Вы гуляйте дальше, а я домой. Надо сходить с мамкой по делам.

По пути за серебряный четвертак он купил сестренке леденец в бумажной цветной обертке и стакан семечек. Лузгая, пошагал дальше.

Спустя час, вместе с матерью отправились на Молдаванку. Она несла в кошелке отрез «чертовой кожи»*, шли к знакомому портному. Осенью Сашке предстояло идти в школу, нужно было сшить первый костюм.

Звали портного Моисей Павлович Зац, проживал с семьей в полуподвальной квартире трехэтажного доходного дома. Встретил радушно, выслушал, и, обмерив мальчишку, принял заказ, назвав цену. Мать согласилась, просил зайти через неделю. На обратной дороге зашли на Привоз*, там купили картошки, муки и подсолнечного масла.

В следующее воскресенье, ближе к вечеру, к отцу в гости зашел близкий друг отца Иван Степанович Колодин. При царе служил рулевым-сигнальщиком на броненосце «Потемкин»*, участвовал в революции, а теперь плавал шкипером* на буксире

Мать наварила вареников с картошкой, к ним поджарила бычков, гость принес бутылку водки и душистую дыню-канталупу. Валечку, вручив сочный ломоть, отправили гулять во двор. Сашка со своим пристроился в сторонке, взрослые расселись вокруг стола.

Шкипер, выбив ладонью пробку, разлил водку по стаканам, мужчины выпили до дна (мать пригубила), начали закусывать. Затем она ушла на кухню, гость с хозяином приняли по второй, закурили.

– Ну, как дела, козак? – пробасил Колодин, обращаясь к Сашке? Чем занимаешься?

– Добрэ, дядь Вань, – кивнул тот чубчиком. – Купаемся с пацанами в море и ловим рыбу.

– А еще дерется, – добавил отец. – Весь в меня, стервец.

– То добре, – распушил усы гость. – И за что же?

– Просто так, – пожал плечами Сашка.

– Дратся нужно только за правду и справедливость. Все остальное баловство. Уразумел, сынок?

– Ага.

Потом Иван Степанович с отцом завели разговор о прошлой службе и дальних плаваньях. Навострил уши. Все, что касалось моря, страстно любил: смотреть на пароходы с яхтами и рыбацкие шаланды под парусами, восходы солнца и закаты над ним. Слушать шум волн и плеск прибоя.

Когда за окном опустился синий вечер, гость, распрощавшись, ушел, а Сашка долго не мог уснуть на своей койке, глядя сквозь листья дикого винограда на мерцающие вверху звезды.

Утром, когда с ребятами снова удили на старом причале рыбу, Колька рассказал, что знает, где недалеко от их улицы есть вход в катакомбы.

– Бреешь! – не поверили друзья.

– Век воли не видать! – щелкнул ногтями пальцев по зубам.

Про катакомбы в Одессе знали все. Они тянулись под городом на многие километры. Когда-то там добывали камень – ракушняк для строительства домов и зданий. Теперь подземные лабиринты были заброшенные, про них ходило много слухов. О прятавшихся там в старину разбойниках, хранивших под землей клады, блуждающих в потемках привидениях и всяческой чертовщине.

– Откуда пурга?* – покосился на Кольку Сашка?

Батяка говорил с сослуживцем у нас дома. Случайно услышал. Несколько дней назад, ночью, они взяли там банду налетчиков при выходе. Это в старой парке на Херсонской. В овраге.

– Точно, робя, – выпучил глаза Ленка. – Вчера к мамке приходила сестра, живет там рядом. Говорит, ночью в парке была стрельба.

Всем захотелось слазить в катакомбы, вдруг найдут клад? Как большинство одесских мальчишек, друзья были не робкого десятка. Рыбалку тут же свернули, спрятав удочки, и отправились к Ленке. У него имелся фонарик.

Через полчаса были на Херсонской. Она заканчивалась парком, а точнее садом, запущенным и одичалым. За последними деревьями вниз уходил поросший кустарником овраг. Спустились, пошли по сухому руслу с выходами плитняка. Метров через двадцать, за плетями выюна, заметили в нем квадратное отверстие в рост человека.

– Вроде тут, – завертел головой Колька.

– Похоже, – отойдя на пару шагов в сторону, поднял с земли валявшуюся гильзу Шурка. Она пошла по рукам, решили, что от маузера.

– Ну что, айда? – обвел взглядом друзей Сашка. – Ленка, включай фонарик.

Тихо ступая, вошли внутрь, узкий луч осветил полого уходившую вниз штольню. Осторожно двинулись вперед. Через сотню шагов она разделилась на две, остановившись, стали советоваться, в какую свернуть. Решили в ту, что была повыше.

Когда прошли вперед еще немного, луч света начал таять, а потом исчез. В фонарике разрядилась батарейка, оказались в кромешной тьме.

– Ну что, пацаны? Идем назад? – негромко спросил Сашка.

– Идем, – так же тихо ответили остальные.

Щупая руками стены, двинулись обратно. Теперь шли медленно, часто спотыкаясь и останавливаясь. Наконец впереди забрезжило светлое пятно, выбрались наружу. В глаза ударил яркий солнечный свет, в уши писк ласточек, носившихся над оврагом. Уселись на землю рядом с входом.

– Жаль, подвел фонарик, – пощелкал его кнопкой Ленка.

– Ничего, – пожевал травинку Сашка. – Сделаем факелы и попробуем еще раз.

– Точно, – оживились Шурка с Колькой. – Айда на корабельное кладбище.

Вернувшись туда, нашли несколько палок и кусок старой мешковины. Порвав на куски, обмотали кругом, соорудив факелы. Затем спустились в трюм нефтеналивной баржи и намочили в остатках мазута. Пока возились, наступил вечер, решили на следующий день повторить.

С восходом солнца вновь были у входа в катакомбы.

При себе имели факелы и спички, в карманах по куску мела. Делать на стенах отметки, чтобы не заблудиться. А еще полотняную сумку с ляжкой, где лежал изрядный кусок макухи* и пяток яблок.

Подожгли один факел и исчезли в полумраке, двинувшись знакомым маршрутом. Свернули, как и прошлый раз в тот же проход. Теперь он шел горизонтально, босые ноги холодил камень. Минут через десять оказались в довольно просторной и высокой камере.

В центре чернело старое кострище, валялись пустые жестянки от консервов и окурки папирос. У боковых стен лежали несколько драных матрасов. Обследовали, под одним Колька нашел револьвер «бульдог».

– Ух ты! – выдохнули, остальные.

– А вот патронов нету, – потрещал барабаном.

Оружие пошло по рукам, все цокали языками и восхищались.

– Пока будет у меня, – сунул за пояс Сашка. – Хиляем дальше.

Из камеры в три стороны уходили еще выработки. Нарисовав на стене средней стрелу, двинулись по ней. Через полчаса уткнулись в каменный завал, вернулись назад и направились в левый проход. По нему двигались примерно час, обнаружив трухлявую тачку и ржавую кирку. Между тем чадивший факел догорел, зажгли второй. Галерея стала подниматься вверх.

Затем вдали посветлело, впереди оказался выход на поросшем бурьяном пустыре. Внизу золотился пляж с шестипролетной аркой, за ними голубело море с белыми барашками на волнах

– Так это ж Ланжерон! – удивилась компания. – Не особо далеко и зашли.

Здесь когда-то стояла дача новороссийского губернатора с одноименной фамилией, теперь остались лишь развалины. Пляж тоже запустели, имевшиеся на нем купальни одесситы растащили на дрова.

Погасив, факел оставили у входа, «бульдог» спрятали в сумку. Цепляясь за высокие кусты полыни, спустились вниз. У догнивавшей на берегу шаланды разделись и забежали в море, плавая и резвясь. Когда устали, вышли из воды, устроились в тени лодки и подкрепились макухой с яблоками.

Тихо шуршала морская пена, с неба лились потоки света, разморенные едой уснули. Проснулись, когда край солнца повис у кромки горизонта, сполоснули лица в воде и отправились домой. Револьвер до поры спрятали в подвале Сашкиного дома, решив, достать патроны и пострелять.

Исследование катакомб хотели продолжить, но помешали новые интересные события: через пару дней в порт вошел иностранный пароход.

На нем доставили из Франции воевавших в Иностранном легионе* тысячу русских солдат. На зрелище сбежалось поглазеть пол Одессы, включая любопытных до всего мальчишек. С 1916-го солдаты воевали за Антанту* где-то в Африке и теперь возвращались на родину.

А спустя неделю на траверзе Большефонтанского маяка подорвался на mine итальянский миноносец «Ракия». К терпящему бедствие кораблю тут же вышли рыбацкие шаланды, сняв с него раненых и убитых, прежде чем подошли на помощь кораблю эскадры. Она прибыла к советским берегам в целях бомбардировки города.

Живых и мертвых итальянцев доставили в Одессу, а командующему эскадрой отправили радиogramму: в ней высказывали соболезнование гибели моряков, брали на себя организацию их похорон и приглашали адмирала с почетным караулом прибыть на траурную церемонию. Тот ответил согласием.

Наутро была приготовлена могила, а от порта до Куликова поля выстроились красноармейские части и отряд советских моряков без оружия. На всех домах висели траурные флаги.

Путь скорбной процессии усыпали цветами и ветками туи. На похоронах присутствовало все население Одессы.

Гробы несли на руках портовые рабочие. За ними шли с винтовками, опущенными дулами к земле, итальянские матросы. Играл сборный городской оркестр и такие же с иностранных судов. В церкви Ново-Афонского подворья печально звонили колокола. Крыши домов были черны от людей.

Над могилой говорили речи. Итальянцы слушали их, держа винтовки «на караул».

Затем отдаленный прощальный залп кораблей слился с ружейным на Куликовом поле, братская могила превратилась в пирамиду цветов. После завершения похорон, для иностранных моряков в бывшем кафе Фанкони городские власти устроили ужин.

Тронутый таким приемом итальянский адмирал отказался от бомбардировки города, приказав эскадре возвращаться в Константинополь. Так Одесса бескровно выиграла сражение у интервентов.

Все эти дни Сашка с друзьями, толкаясь в толпе, наблюдали за происходящим, разглядывали итальянцев и даже получили от одного сувенир – бронзовую кокарду* с бескозырки.

Глава 2. Первые паруса

Совет Народных Комиссаров постановил:

1. Объявить общенациональной неделимой собственностью Советской Республики судоходные предприятия, принадлежащие акционерным обществам, паевым товариществам, торговым домам и единоличным крупным предпринимателям и владеющие морскими и речными судами всех типов, служащими для перевозки грузов и пассажиров, со всем движимым и недвижимым имуществом, активом и пассивом таких предприятий.

2. В собственность Республики не переходят:

а) суда, служащие для мелкого промысла, дающие владельцам лишь средства для нормальной жизни и принадлежащие мелким предприятиям, основанным на трудовых артельных началах;

б) суда китобойные, рыболовные, лоцманских обществ и товариществ, городских и сельских самоуправлений, а также все суда, не приспособленные для перевозки грузов и пассажиров, за исключением того случая, если они принадлежат акционерному предприятию.

3. Совет Народных Комиссаров поручает Советской власти на местах совместно с профессиональными рабочими судоходными организациями, отделами Всероссийского союза моряков и речников торгового флота и в контакте с экономическими советскими организациями (районными советами народного хозяйства, экономическими комитетами и т.п.) немедленно принять меры к охране судов и всех имуществ, переходящих в собственность государства согласно п.1.

4. Учреждениям и организациям, указанным в предшествующем пункте, поручается назначить временно комиссаров в крупные и мелкие конторы и агентства судоходных предприятий.

Не приостанавливать работ в конторах и агентствах и в особенности работы по ремонту судов, требовать продолжения ее от служащих под угрозой предания Революционному суду.

Комиссары, назначаемые в конторы, получают право распоряжения всеми денежными средствами судоходных предприятий и обязаны заботиться о своевременной выплате рабочим этих предприятий заработной платы в прежнем размере, об ассигновании средств на ремонты и т.п.

5. Подробные условия и порядок национализации судоходных предприятий будут изданы особым декретом.

6. Настоящее постановление вступает в действие по телеграфу.

Председатель Совета Народных Комиссаров

Вл. Ульянов (Ленин).

Народные комиссары: В. Оболенский. В. Алгасов.

А. Шляпников.

Управляющий делами Совета Вл. Бонч-Бруевич.

Секретарь Совета Н. Горбунов.

(Постановление Совета Народных Комиссаров от 23 января (5 февраля) 1918 года)

Закончилось лето, наступил сентябрь, и Сашка с друзьями пошли в первый класс школы водников. Она располагалась неподалеку от их улицы, на Приморской.

Учились там дети моряков, рыбаков и портовых рабочих. Школьной программы тогда еще не было, преподавали русскую литературу с языком, арифметику, политграмоту и обще-

ствоование. Тетради у школяров были самодельные, учебники царского времени, вместо ручек – карандаши. Домашние задания не задавали.

Сашка с Шуркой в отличие от Кольки с Ленкой было легче. Они уже имели читать. Первого научила мать, закончившая церковно-приходскую школу, а Шурке сам бог велел – отец был наборщиком в типографии.

Учиться было интересно, в первую очередь, политграмоте. Из нее ребята узнали о Ленине, большевиках и пролетарской революции. При школе сохранилась библиотека, Сашка стал брать оттуда книжки о приключениях и дальних странах. Особо понравились «Путешествие на «Коршуне» вокруг света», приключения «Тома Сойера», а в третьем классе путевые заметки Миклухо-Маклая*.

Рядом со школой находился Одесский яхт – клуб, богатый и респектабельный. Для избранных. Во время революции его хозяева бежали за границу, а имущество национализировало рабоче-крестьянское государство. Теперь белокрылые яхты принадлежали трудовым коллективам, в клуб принимали любого желающего.

Перейдя в пятый класс, решили попытаться счастья. К тому времени Колька уехал в Джанкой (туда перевели отца), а Ленке родители запретили – у него были слабые легкие.

В первый же день каникул Сашка с Шуркой пришли утром в яхт-клуб, попав на прием к директору. Тот в прошлом был шкипером, потерявшим на фронте руку, встретил радушно.

- С чем пожаловали, орлы? – окинул веселым взглядом.
- Хотим записаться к вам в клуб, – сказал более разбитной Сашка.
- Ага, – поддержал приятель.
- Не рановато? Вам по сколько лет?
- Скоро будет тринадцать. Полагаем, в самый раз.
- Ну что же (чуть подумал). Считайте, вы приняты. Только с одним условием.
- Каким?
- Заниматься серьезно и в школе успевать. Ясно?
- Ясно! – дружно ответили приятели.

На следующий день приступили к занятиям. До революции яхт-клуб знал лучшие времена. В нем состояли полторы сотни членов из аристократических семей и несколько десятков парусников разного класса: яхты, шхуны, тендеры, палубные боты.

В годы Гражданской войны их число заметно поубавилось. Одни бывшие хозяева угнали в Турцию с Румынией; другие реквизировали для нужд армии, остальные требовали починки и окраски.

Для начала Сашку с Шуркой определили в ремонтную бригаду, а спустя неделю включили в команду яхты «Карманьола». Команду составляли ребята на три-четыре года старше, капитан был лет тридцати. Звали Аркадьич.

Он ознакомил новичков с устройством судна, парусным вооружением, основами управления им. Далее начались выходы в море, у обоих появились навыки и умение.

Ребята были в восторге. Им нравилось ставить, убирать паруса и «брать рифы», драить до золотого блеска медяшку и палубу. А главное, конечно, мчаться по волнам наперегонки с ветром.

Домой возвращались поздно вечером, Сашкина мать ворчала, – совсем с глузду* съехал с этим своим клубом.

– Не шуми, – добродушно гудел отец. – Он моряцкий сын, пушай занимается. Глядишь, в жизни сгодится.

За лето друзья освоились в команде, стали заправскими моряками и как-то даже удостоились похвалы строгого капитана.

В середине августа он завел разговор о соревновании с гордостью клуба – яхтой «Коммунар». Кто быстрее. Обычно сдержанный Сашка, пришел в восторг: померяться силой с лидером, фаворитом – что может быть интересней?

Сразу же началась тщательная подготовка. Проверили корпус, паруса и такелаж, вдвое участвовали тренировки в море. Успехи новых членов команды были настолько очевидны, что в день соревнований Аркадьич доверил Сашке самостоятельно вывести яхту за Воронцовский маяк.

Погода в тот день выдалась прекрасная: чистое голубое небо, легкое волнение, попутный ветер.

Яхты заняли исходную точку, последовала команда в мегафон «вперед!». Обе понеслись в открытое море. Через пять миль* раздалась вторая «поворот оверштаг!», и тут случилась беда. При переброске рея* на другой борт, у Шурки вырвался из рук конец, его трахнуло по голове и сбросило за борт.

В ту же минуту Сашка, сидевший на руле, прыгнул за тезкой в воду. Потерявшая управление яхта закружилась на одном месте. Аркадьич, перехватив руль, успел сбросить спасательный круг.

Когда оба, отплеываясь, взобрались обратно на палубу, «Коммунар», закончив маневр, стремительно уходил к берегу. Догнать можно было только за счет более искусного управления, точно ловя парусом ветер и регулируя крен судна весом собственных тел.

– На руль! – рывкнул капитан Сашке. – Продолжай.

Тот уселся за румпель, яхта стала набирать ход. За кормой расходился пенный след, в снастях запел ветер. Еще до маяка «Карманьола» догнала соперницу, обошла и первой отшвартовалась у стенки.

– Ура! – завопила команда, а Аркадьич похлопал Сашку по плечу. – Молодца. Из тебя, Маринеско, будет толк.

Вскоре у него возникла идея нового соревнования. Организовать заплыв – от яхт-клуба до Лузановского пляжа. Расстояние немалое, километров шесть – семь вплавь.

– Подумайте, – сказал младшим из команды, – если есть сомнения, лучше не пытаться.

– Не вопрос, – тряхнул чубом Сашка. – Не знаю, как Шурка, а я поплыву.

– И я тоже, – тут же заявил приятель.

Руководство клуба сомневалось, допустить ли друзей к заплыву в числе других – уж очень они были молоды. Но ребята сумели убедить старших, и те согласились.

И вот в солнечный день на пирсе выстроились отобранные участники заплыва – человек десять. На каждом помимо трусов был брезентовый пояс со спрятанными внутри иголками – на случай, если в воде схватит судорога. Участников сопровождали две шлюпки: руководство, контроль, помощь.

По условиям соревнований, через час после старта пловцам разрешалось подплыть к одной из них и подкрепиться бутербродами с колбасой. Пить воду не разрешалось.

Заплыв оказался длительнее, чем предполагалось, и составил около пяти часов. Наконец все участники добрались до берега и, выбредая из моря, рухнули на песок.

На Софиевской Сашку с Шуркой встретили как героев, от родителей же им порядком влетело. Грозилась даже забрать обоих из клуба.

Однако с ним все же пришлось расстаться. К осени яхт-клуб перебазировался в район Аркадии. Добираться туда было далеко и сложно.

Если для Шурки расставание с клубом было достаточно легким (у него появились другие увлечения) то Сашка пережил это болезненно, почти как катастрофу. Без моря и кораблей он уже себя не мыслил.

На следующее лето выход из положения все-таки нашелся. Они с приятелем устроились учениками на центральную спасательную станцию Ланжерона. Началась их служба. Поначалу

она была скучноватой и заключалась в дежурстве на вышке для наблюдения за водной акваторией, где купались отдыхающие.

Этот этап прошли быстро, опыт сигнальщиков у ребят был. Спустя неделю, пройдя инструктаж, оба были допущены к спасательным операциям и увлеклись ими.

Тут Маринеско проявил себя снова. За летний сезон спас потерявшую в воде сознание женщину; заплывшую за буйки и ставшую тонуть девушку, а еще мальчика, захлестнутого волной от винта, пронесшейся рядом моторки. Начальство отметило Сашку похвальной грамотой.

Осенью, оставив школу, он решил устроиться на работу связанную с морскими плаваниями. Дело это было не простое. Подростков брали только через биржу труда, мест всем желающим не хватало. Помогло давнее знакомство.

В их доме жил старый боцман Иван Степанович Ткаченко. Он знал Сашку с малых лет, одобрял увлечение морем и кораблями, согласился помочь.

– Меня еще помнят в пароходстве, – пососал неразлучную трубку. – Замолвлю за тебя словечко начальству.

Обещание сдержал, и через неделю парнишку взяли на пароход «Севастополь» матросом-практикантом.

Это была доживающая свой век посудина, таких моряки звали «кастрюльник». Работала она на угле, совершая грузовые рейсы в Крым и на Кавказ. На ней Сашка побывал в Севастополе с Керчью, Новороссийске и Батуми.

За это время обучился несению ходовой и стояночной вахты, работе с такелажем и швартовыми устройствами, съемке отчетов лага и многому другому. Из первого же плавания, получив денежное содержание, привез родным подарки: отцу новенькую тельняшку, матери цветную шаль, сестренке башмачки. А себе купил на одном из книжных развалов «Морские рассказы» Станюковича.

Татьяна Михайловна даже прослезилась, а Иван Алексеевич, довольно крикнул, – вот и пригодилась хлопцу первая флотская наука. Я ж тебе казал?

А следующей весной пароходство издало приказ о зачислении Александра Маринеско в школу юнг. Это была удача, причем не случайная. Сметливый и понятливый он пришелся по душе капитану судна и тот дал юноше рекомендацию. Тем более, что фамилия была морская.

На флотском языке – юнга, это ученик, подросток, обучаемый на морском судне. Школа готовила матросов первого класса

Юнги имелись на многих судах Черноморского пароходства. Большинство направлялось без всякой подготовки биржей труда, по так называемой броне подростков, их так и величали – "броневиками". По сравнению с другими Маринеско знал и умел много больше.

Стать воспитанником такого училища было не только честью, но и серьезным испытанием. У многих ребят оно означало выбор профессии. Для Сашки он являлся очевидным, шел к этому с детских лет.

Учеба была напряженной, но интересной.

В первый год шли занятия по слесарному, токарному и столярному делу – матрос обязан уметь все. Изучали такелаж и основы навигации, учили читать лоции* и флажковый семафор*. Это давалось Сашке легко.

На второй стало труднее. Весь курс с берега перевели на блокшив «Лахта» – учебное судно, пригнанное с Балтики в Одессу. Жили там в кубриках на казарменном положении, распорядок дня был близкий к военному. От подъема до отбоя все по звонку или сигналу горна.

Судно стояло на двух якорях близ волнолома, сообщение с берегом только на гребной шлюпке. Домой отпускали по субботам, да и то, если юнга не нес вахту. Обучали их старые боцманы еще царской службы – эти спуску не давали. Жучили, как говорят, в «хвост и гриву».

Заставляли выполнять такелажные работы*, обучали правилам подъема тяжестей, постановке рангоута, уборке якорей, гребле на шлюпках и многому другому. Тех, кто не справлялся, безжалостно отчисляли.

Оставшиеся же мужали, становясь одной командой.

Вскоре у Сашки появились новые приятели и среди них Сережка Шапошников. Они были знакомы по яхт-клубу, а теперь сдружились. У Шапошникова отец был старпомом на одном из судов, сын решил пойти по его стопам. Постепенно ребята стали лучшими из курсантов, но не зазнавались.

Срок обучения в школе юнг составлял два года, но с учетом успеваемости им его сократили на шесть месяцев и без экзаменов перевели в Одесский морской техникум. На просторечье он именовался «мореходкой». Из сорока лахтинцев туда поступили еще восемь. Обучались в мореходке и девушки, разрешила советская власть.

Это старейшее в Одессе мореходное заведение готовило будущих штурманов дальнего плавания. Курсантов там тоже не баловали и через год напряженной учебы отправили для морской практики на барк* «Товарищ». Она составляла пять месяцев и позволяла закрепить полученные знания в море.

Барк имел славную историю.

Построенный в 1892 году на одной из верфей Белфаста, он относился к классу «виндjammer» (выжиматель ветров) и носил имя «Лористон». Использовался на Восточно-Индийской линии для перевозки джута*. С началом Первой Мировой войны Россия купила судно у англичан, доставляя на нем грузы из Европы в Архангельск.

Во время оккупации северных российских портов войсками Антанты*, интервенты отогнали парусник в Великобританию, а затем передали советскому правительству и вернули в Петроград. Он стал ходить по Балтике в Таллин, доставляя в Эстонию железнодорожные рельсы, а в голодающую страну – муку.

Затем барку дали имя «Товарищ» и приписали к морскому техникуму. На нем стали проходить практику курсанты в количестве ста двадцати человек.

Командовал судном не менее славный капитан Эрнест Иванович Фрейман, а главным боцманом на нем был Осип Адамович Хмелевский. Оба настоящие «морские волки» и весьма колоритные фигуры, широко известные на гражданском флоте.

Невысокого роста, стройный капитан отличался военной выправкой и глубиной знаний, а здоровенный боцман был непревзойденным служакой и рассказчиком. Оба, как никто, дополняли друг друга.

«Товарищ» имел четыре мачты: фок, первый и второй гроты, бизань. Три из них имели прямое парусное вооружение, а бизань – косое. Маринеско с Шапошниковым были во второй вахте, у третьего помощника капитана Андрея Густавовича Габестро отличного моряка-парусника.

При авралах* их вахта работала на первой грот-мачте, Сережка на самых верхних парусах (бом-брамсеях), а Сашка чуть ниже – на брамсеях. Во время постановки и уборки парусов, выполнении поворотов, на приборках и погрузке балласта каждый проявлялся в деле.

На высоте всем руководил Габестро, а на палубе главный боцман, которого все звали Адамыч. У обоих они были на хорошем счету. Смелые и расторопные, оба отлично бегали по вантам и не чурались никакой работы.

Однажды команда шестивесельной гички, где крепыш Сашка был загребным*, удостоилась похвалы самого Лухманова – инспектора наркомата флота. Это был легендарный моряк, не раз обогнувший земной шар, прежний капитан «Товарища», орденоносец и писатель-маринист.

Дело было так.

Барк стоял на рейде Феодосии, куда Лухманов прибыл для его инспекторской проверки и Фрейман послал за ним шлюпку. Ребята с шиком домчали проверяющего к трапу "Товарища". Старый морской волк, тронутый, что его доставили по-морскому, не на моторном катере, а на весельной гичке, оценил лихость и образцовую выучку гребцов.

Приложив руку к фуражке, зычно поблагодарил всю команду. Был доволен и Фрейман, ведь шлюпка – визитная карточка корабля. Вскоре ей пришлось держать настоящий морской экзамен в штормовом море.

Во время стоянки после перехода на батумском рейде, для курсантов организовали пешую экскурсию на Зеленый мыс. А команде гички поручили доставить туда продукты для обеда. На обратном пути внезапно налетел шквал, в борта стали ударять волны. Легкое суденышко, не рассчитанное на штормовую погоду, начало захлестывать водой, едва успевали вычерпывать. Растеряться, допустить самую малейшую оплошность – значило перевернуться и погибнуть.

И тут у Сашки проявилась новая интересная черта.

Вопреки своему обычному спокойствию, он здорово оживился и даже повеселел. Шутил, подначивал команду и свою уверенность передавал другим. Такой же задор овладевал им и во время корабельных учений.

Первое морское крещение на «Товарище» было суровым.

На пути к румынским берегам его прихватила непогода, внезапно налетевший сильный ветер изорвал часть такелажа*. Волны валили судно с борта на борт и обрушивались на палубу. Убирать паруса в такую погоду – задача непростая даже для испытанных «марсофлотов»*.

Чем выше рея, тем сильнее размах качелей. Клотик* чертит в потемневшем небе крутые зигзаги, рея клонится то вправо, то влево, и на мгновение моряк повисает над пучиной. Однако медлить нельзя, надо работать – и, вцепившись в рею левой рукой, изловчившись, изо всех сил тянуть правой раздуваемый ветром парус. Крепить его в непогоду еще тяжелее, чем отдавать.

Так рассказывают о штормовой вахте все, кого хоть раз поднимали среди ночи, чтобы, натянув на себя штормробу, бежать на верхнюю палубу и строиться по правому борту в ожидании команды «пошел наверх, паруса крепить!». Темнота, в снастях завывает ветер, сечет холодный дождь, угрожающе шумит море – в ту ночь на вахту вышла только половина состава.

Начальник вахты Габестро приказал, – поднять наверх всех!

И обычно невозмутимый Маринеско взорвался. Он первым скатился в кубрик. Немногих действительно укачавшихся не тронул, а «сачков»* , сорвав одеяла, безжалостно стащил с коек и погнал наверх.

Через несколько минут вся вахта (за исключением девчат и страдавших морской болезнью) была на реях и крепила паруса по – штормовому. Барк с честью выдержал испытание штормом, а вот новички не все. С некоторыми вскоре пришлось расстаться.

В тихом обычно Сашке, та штормовая ночь открыла новое – характер и решительность в критических ситуациях. Умение повести за собой.

Практика на «Товарище» закончилось государственным экзаменом.

Его принимали двенадцать капитанов во главе с Фрейманом. Экзаменаторы были строги и беспощадны. После испытаний из сорока курсантов в классе осталось всего шестнадцать.

Теперь занятия продолжились снова на берегу в здании мореходки. Иногородные курсанты жили в общежитии при нем, а остальные, в том числе Маринеско, по своим домашним адресам. Это не возбранялось. Как ни любил он морскую стихию, возвращение на берег тоже имело свою привлекательную сторону.

Он снова жил дома с родителями и сестрой, встречался со старыми друзьями и, в первую очередь, Шуркой Зозулей. Интересы того окончательно определились. Парня все больше увлекала общественная работа, стал инструктором райкома комсомола.

Все еще было голодно, и они с несколькими друзьями ночами подрабатывали в порту. Разгружали баржи с мукой, цементом и песком, отдавая деньги родителям. На учебе это не отражалось, хотя было нелегко.

Иногда, по воскресеньям, ходили на молодежные вечера, устраиваемые комсомолом, где после основной части были танцы. Друзья приударяли за девушками, а Маринеско нет. Хотя неплохо танцевал и от общения с прекрасным полом не уклонялся.

Побывали как-то они и на концерте Утесова*, навестивший родной город и исполнивший цикл своих песен.

Как на Дерибасовской
Угол Ришельевской
В восемь часов вечера
Разнеслася весть
Как у нашей бабушки
Бедненькой старушки
Семеро налетчиков
Отобрали честь!

Оц-тоц-первертоц
Бабушка здорова
Оц-тоц-первертоц
Кушает компот
Оц-тоц-первертоц
И мечтает снова
Оц-тоц-первертоц
Пережить налет!..

задорно звучала под сводами одесской филармонии самая любимая. Публика аплодировала стоя.

Наступила весна 1933-го года. Из сорока человек, принятых на первый курс, техникум закончили четырнадцать, остальные отсеялись.

Выпускники получили направления на суда Черноморского флота – третьими и четвертыми помощниками капитана. Сашка Маринеско (теперь уже для многих Александр Иванович) был назначен на пароход «Красный флот».

Это был старый трудяга еще царской постройки водоизмещением около тысячи тонн, плававший по Крымско-Кавказской линии и перевозивший в летнее время зерно. Капитан был опытный моряк, но изрядный пьяница. В прошлом, закончив с отличием мореходное училище, получил назначение капитаном танкера, но теперь ему доверяли лишь небольшие суда.

Пару недель капитан присматривался к Маринеско, затем полностью ему доверился и во время ходовой вахты почти не заглядывал на мостик. Через два месяца тот стал вторым помощником и на этой должности хлебнул горя.

Шли форсированные перевозки зерна из Николаева, Херсона и Скадовска в порты Закавказья. Чтобы перевыполнить план, судно излишне нагружали, до поры до времени все обходилось благополучно. Но однажды часах в двадцати хода от Батуми разыгрался сильный шторм. Пароход кренило с борта на борт, в корпусе открылась течь, волнами снесло шлюпку и парадный трап.

Так едва дошли до Батуми и, только вскрыв трюмы, узнали, их спасло подмоченное и разбухшее зерно. Оно, закупорив пробоину, прекратило поступление внутрь забортовой воды.

Однако и на такой «коробке»* второй помощник сумел отличиться.

Случилось это осенью в районе Скадовска. Находясь на вахте, он различил на горизонте едва заметную точку, поднимавшуюся и опускавшуюся на гребнях волн. Доложил капитану.

Пароход изменил курс и подоспел на помощь терпящему бедствие торпедному катеру. На нем из Севастополя шло какое-то высокое начальство. Взять катер на буксир удалось только после двух часов напряженных усилий, а затем пароход направился обратным курсом в порт.

За смелые и решительные действия второй помощник капитана парохода «Красный флот» Маринеско получил благодарность от командующего Черноморским флотом и месячный оклад от пароходства. Ему даже в голову не приходило, что та встреча в корне изменит его судьбу.

Глава 3. Рабоче-Крестьянский Красный флот

Совет Народных Комиссаров постановляет:

Флот, существующий на основании царских законов о всеобщей воинской повинности, объявить распущенным и организовать Социалистический Рабоче-крестьянский Красный флот на следующих основаниях:

1. Пищевое и вещевое довольствие входит в счет содержания одинаково для всех служащих, независимо от занимаемой должности.

2. Снабжение личного состава флота и находящихся при них семейств предметами первой необходимости, вещевыми и харчевыми, временно производится порядком до сего времени существовавшим. Впредь же, в связи с переходом флота на добровольческие начала, личному составу флота надлежит приступить к организации центрального кооператива в порту-базе флота и отделений его по портам, где окажется необходимым.

3. Всем морякам военного флота, бывшим матросам, как увольняющимся со службы, так и остающимся на добровольческих началах, надлежит выдать взамен обмундирования по сроку 1918 года деньгами по расценке 1918 года.

4. Все служащие на добровольческих началах во флоте страхуются за счет государства на случай болезни, увечья, инвалидности и гибели.

5. В виду невозможности по техническим условиям железных дорог произвести одновременное увольнение моряков всех сроков службы, не пожелавших продолжать таковую на добровольческих началах, увольнение будет производиться с первого февраля периодически, с промежутком времени, потребного для того, чтобы не перегрузить железных дорог, причем моряки флота, удерживаемые по вышеперечисленным причинам, получают содержание в своей части до дня увольнения по старому положению.

6. На всех, находящихся в отпусках по болезни с первого февраля сего года, распространяется Декрет Совета Народных Комиссаров о государственном страховании.

Все моряки военного флота, уволенные до 25-го января не более, как на один месяц, сохраняют виды денежного довольствия по старому положению в течение месяца, т. е. до 25 февраля (по старому стилю), после чего исключаются в своих частях со всех видов довольствия и считаются уволенными вовсе от службы.

Переход флота на добровольческие начала надлежит считать с 1 февраля (старого стиля) сего года, службу и выдачу жалованья по новому положению считать со дня заключения контракта.

7. Ученикам Учебных Отрядов и Школ, желающим плавать на боевых судах, разрешается продолжать обучение на старом окладе содержания до 15 апреля (старого стиля); с 1-го по 15-е апреля (старого стиля) будут производиться экзамены, и ученики, по выдержании таковых, могут искать себе места на кораблях и заключать контракты для службы на них. При поисках мест, Центральные Комитеты флотов будут оказывать им содействие. Инструкторам платить новые оклады содержания с 1 февраля до 1 апреля (старого стиля), к какому сроку вопрос об организации Учебных Отрядов будет окончательно выяснен. Штаты инструкторов после 1 февраля (старого стиля) строго сообразовать с числом оставшихся учеников. Инструкторы, оказавшиеся сверх штата, могут законтрактовываться на общих основаниях на боевые суда.

8. Центральным Комитетам флотов надлежит приступить к расформированию экипажей, полуэкипажей и рот, представивши свои решения в Коллегию Народного Комиссариата по морским делам для опубликования по флоту и морскому ведомству.

9. При осуществлении перехода флота на добровольческие начала, ни одна часть не имеет права выдавать и требовать денежное довольствие по новому положению, а портовая контора не имеет права выдавать без новой табели комплектации, утвержденной Комиссией по реорганизации флота при Центральном Комитете моря.

Центральным Комитетам морей надлежит в кратчайший срок представить штаты на утверждение Коллегии Народного Комиссариата по морским делам.

10. Укомплектование кораблей по положенному штату личным составом на добровольческих началах возлагается на Комиссии, которые составляются на кораблях. В состав Комиссии входят: Командир корабля (в береговых частях – Начальник части), Председатель Корабельного или Командного Комитета, Старший специалист той специальности, на которую нанимается лицо, и врач.

11. В виду возможной записи большего количества пожелавших поступить во флот, чем то будет необходимо в зависимости от выработанных штатов, Комиссиям по приемке надлежит принимать во внимание сроки службы при наличии нескольких кандидатов на одно место специалиста, причем старым годам отдается преимущество.

Подписали: Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Н. Ленин)
Народный Комиссар по морским делам Дыбенко
Народный Комиссар по военным делам Н. Подвойский
Народный Комиссар Труда А. Шляпников
Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров Вл. Бонч-Бруевич.

(из Декрета Совета Народных Комиссаров от 14 февраля 1918 года «О Социалистическом Рабоче-крестьянском Красном флоте»)

Через несколько дней Маринеско вызвали на медицинскую комиссию, признали здоровым и отправили по спецнабору в кадры Военно-Морского Флота.

К тому времени завершилась первая пятилетка*, страна вышла из разрухи, наращивая темпы социалистического строительства. Завершилась электрификация, ликвидировалась безграмотность, строились производственные мощности, возрождалось сельское хозяйство.

Вместе с этим создавался новый, Рабоче – Крестьянский Красный флот. В строй вводили старые, прошедшие ремонт корабли, спускались со стапелей новые, готовились военные специалисты.

Осенью 1933 года Александр Иванович в числе других призванных по спецнабору прибыл поездом в Ленинград, в главный штаб Флота. Там получил нарукавные шевроны командира 6-й категории (воинских званий еще не было), обмундирование и направление на штурманские классы специальных курсов командного состава.

Вместе с ним приехали жена Нина и дочь Лора. Свадьба состоялась за полгода до отъезда из Одессы, была немногочисленной и скромной. Молодожены сняли небольшую квартиру на Васильевском острове и вселились туда. Начинался новый жизненный этап.

Расставание с родным городом было не простой переменой адреса, а обрывом многолетних связей и погружением в новую, незнакомую среду. Все нужно было начинать заново.

После веселой и солнечной Одессы, бывшая столица Российской империи подавляла своим величием, европейской архитектурой, холодной и сырой погодой. На рассвете над Невой клубился туман, в полдень с Петропавловской крепости стреляла пушка, вечером зажигались фонари.

На первых порах его новое положение Александру Ивановичу не нравилось. Возвратившийся из плавания торговый моряк на суше становился вольным человеком и мог делать, что считал нужным, по своему усмотрению. На военной службе это исключалось. Она продолжа-

лась в море и на берегу, распорядок был жестким, выходные случались редко. И это при всем том, что Маринеско дорожил семьей, стараясь уделять ей как можно больше времени.

В неприятии казарменного быта он был не одинок. Среди товарищей по курсу было немало тех, кто не менее остро переживал изменение привычных мерок. Будь они обычными призывниками, было бы проще освоиться и смириться.

Однако, несмотря на свою относительную молодость, все уже хлебнули другой жизни, ничуть не более легкой и даже более ответственной, чем сейчас. Дипломированные штурманы и в недалеком будущем капитаны черноморских судов, здесь они вновь превращались в курсантов. Многое пришлось постигать с азав.

В результате большинство в группе стали неважно учиться в надежде на отчисление из классов и возвращение на гражданский флот.

Неизвестно, чем бы закончилась эта «тихая сапа»* если б не влияние преподавателя астрономии и навигации Малинина.

В прошлом царский офицер и флагманский штурман флота, он был культурнейшим моряком и вызывал у слушателей чувство глубокого уважения. Летом следующего года Дмитрий Павлович руководил практическими занятиями курса на Каспийском море и прекрасно разобрался в психологии подопечных.

Если кто-то притворялся, что не знает предмета, такого мгновенно разоблачал. В людях понимал не хуже, чем в навигации. А под конец практики, собрав всех для беседы в кают – копанию, в безупречно вежливой форме, но очень твердо предупредил, – если, кто надеется на отчисление по неуспеваемости и возврат на гражданский флот, он глубоко заблуждается. Таких товарищей (обвел всех взглядом) пошлют отбывать воинскую повинность рядовыми матросами на корабли.

– Не слабо, – прошелестело по столам. Такой исход слушателей не устраивал.

С этого дня отношения к учебе у всех изменились, выбирать не приходилось.

Кстати, сам Маринеско с первых дней учился блестяще, и закончил курсы досрочно.

При всей загруженности, редкие выходные проводил с семьей, уделяя ей заботу и внимание. Лоре читал сказки Бажова * и играл с нею, а жену, оставив дочку на соседку, водил в кино и Эрмитаж. Однажды даже достал билеты в Мариинский театр, где оба с удовольствием слушали оперу Вагнера «Кольцо нибелунга». Тогда Александр Иванович еще не знал, что ему придется сражаться с потомками древних германцев. Не на жизнь, а на смерть.

К осени 1936-го он успешно заканчивает курсы, получив назначение дублером штурмана на подводную лодку «Пикша». Она входила в состав 1-й бригады Краснознаменного Балтийского флота и базировалась в Кронштадте.

В те годы, как впрочем, и сейчас, служба в подплаве считалась одной из наиболее трудных и опасных. На субмаринах нередко случались аварии – они проваливались на глубину, тонули в пучинах, горели и взрывались. В команды, как правило, набирались добровольцы.

Для своего времени корабль считался современным (на воду был спущен год назад) и принадлежал к классу «щук». Серия V-бис-2, бортовой номер «Щ-306».

Имел водоизмещение пятьсот девяносто три тонны, длину пятьдесят восемь и ширину шесть метров. В надводном положении движительная установка позволяла развивать ход до тринадцати с половиной узлов, под водой – девять. Рабочая глубина погружения составляла семьдесят пять метров, предельная – девяносто. Автономность плавания достигала сорока суток, команда насчитывала тридцать семь человек.

На вооружении «Пикши» состояли четыре носовых и два кормовых торпедных аппарата с боезапасом в десять торпед, два артиллерийских орудия и столько же пулеметов на надстройке.

Условия обитания были спартанскими: для командира со старпомом и комиссаром предусматривались каюты, остальной личный состав посменно отдыхал на легкосъёмных койках.

На борту имелись постоянные и переносные электрогрелки, трубопровод парового отопления, питаемый с береговой базы, электрокамбуз для приготовления пищи, два пневматических подводных гальюна и один надводный в ограждении рубки.

Очистка воздуха производилась машинами регенерации со специальными патронами, наполненными каустической содой. Для этих же целей служила специальная система из двенадцати стальных баллонов со сжатым кислородом. Время непрерывного пребывания под водой с полным использованием всей системы регенерации составляло семьдесят два часа.

В груди часто застучало сердце, когда у пирса Купеческой гавани, увидел он свой первый боевой корабль.

Серо-голубое тело «щуки», тесно прижавшееся к бетону причала, было почти неприметным. Над ним виднелись только боевая рубка, два орудийных ствола да развевающийся на корме Военно-морской флаг. Но не это, не размеры и форма корабля беспокоили молодого лейтенанта. Думал он о будущих подчиненных, о том, как они его встретят, поймут ли друг друга. А еще о том, скоро ли по-настоящему вольется в команду, изучит как следует корабль.

После представления командиру Подгородецкому с комиссаром Бобковым, приступил к своим обязанностям.

Внимательно ознакомился со штурманской выгородкой, где отныне был его боевой пост – гирокомпасом, эхолотом, лагом, радиопеленгатором, радиоприемником и радиопередатчиком – всем порученным ему хозяйством. И увидел, какое оно емкое, сложное, разнообразное. Главное же – он был не просто штурманом, а и воспитателем подчиненных, многие из которых оказались его одногодками, а были и старше. Но недавнего гражданского моряка это не смутило.

С первых дней с головой окунулся в изучение радиодела – нового для него. Затем познакомился с подчиненными. Многому удивлялся лейтенант. Прежде всего, тому, какая все-таки своеобразная категория людей – подводники.

Особенности службы в одном корпусе, где жизнь или смерть всех зависит от каждого отдельного специалиста, от уровня его подготовки, степени выдержки и навыков, от психологических качеств. Все это сплачивает экипаж воедино. Таков закон подплава.

И поняв это, Александр Иванович неожиданно для себя как бы раскрепостился: стал работать и легко и споро. Делал свое дело с удовольствием. Вскоре почувствовал, что и моряки понимают его. Больше того: они полюбили своего трудолюбивого и простого в обращении командира.

Далее были выходы на отработки в море, а за ними длительное, продолжительностью в сорок пять суток, автономное плавание.

После того, как в феврале 1936 года тихоокеанская подлодка «Щ-117» провела такое с перекрытием проектной автономности в два раза, на Рабоче-Крестьянском Красном флоте развернулось движение «стахановских»* походов.

Лодки старались как можно дольше продержаться в море без пополнения запасов необходимых как для самого корабля, так и экипажа. Балтийская «Щ-306» перекрыла небывалый рекорд на пять суток. При этом штурманская боевая часть сработала на отлично.

Способного молодого офицера заметило и командование. Начальники посчитали, что командир БЧ -1* может быть использован на более высокой должности.

Так, неожиданно для себя, Маринеско получил назначение помощником командира на подводную лодку «Л-1», самый первый советский подводный минный заградитель, корабль по тем временам огромный и современный. И это – двадцатитрехлетний офицер!

Однако помощником командира «Ленинца» пробыл недолго. Осенью 1937 года Александра Ивановича отправили на курсы высшего командного состава при Учебном отряде подводного плавания имени Кирова. Окончившие их получали право самостоятельного управления кораблем.

К этому времени переломный период в жизни Маринеско закончился, он уже считал себя подводником. Учиться хотел, и был на курсах одним из лучших.

И тут с ясного неба «грянул гром».

На следующий год, в разгар практических занятий, в УОПП* пришел приказ: слушателя курсов Маринеско А.И. отчислить и демобилизовать с флота. Поскольку мотивировки там не было, озадаченный лейтенант обратился к начальнику курсов для получения разъяснений. Однако тот сам ничего не понимал и лишь развел руками.

В принципе все было ясно. Уже второй год в стране шел «большой террор» организованный тогдашним главой НКВД* Ежовым.

На основании изданного им приказа № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов», в стране шли повальные аресты, всех подпадавших под эту категорию лиц. Преследовались также и другие граждане, считавшиеся неблагонадежными.

Поскольку отец Александра Ивановича в свое время был подданным Румынии, и семья Маринеско в Гражданскую войну проживала в оккупированной Антантой* Одессе, ее, по всей видимости, тоже посчитали таковой.

Полный сил, служебного рвения и надежд, моряк оказался вне флота и вообще без дела. Попытался устроиться на торговый флот, но и там получил отказ. Начались дни полные раздумий, а порой отчаяния «за что? Ответа не было.

Наступил период безденежья. Из съемной квартиры на Васильевском острове пришлось переехать в небольшую комнату в рабочем районе на проспекте Стачек. Часть друзей, как всегда бывает в таких случаях, отшатнулись. Остались настоящие.

К счастью продолжалось это все недолго.

Так же неожиданно, как приказ о демобилизации, пришел второй – явиться для дальнейшего прохождения службы. И через несколько дней, одетый в морскую форму, с золотыми нашивками на рукавах, слушатель Маринеско вновь появился на базе Учебного отряда. Полный сил и несломленный. Что ни аттестация – то похвальный лист. В том же году, окончив курсы, он получил звание старшего лейтенанта, право самостоятельного управления кораблем и был назначен командиром подводной лодки «М-96».

Она относилась к классу малых подводных лодок и недавно сошла со стапелей судостроительного завода «Красное Сормово» в Горьком. После швартовых испытаний лодку погрузили в плавучий док и по водной Мариинской системе* перегнали в Кронштадт. Маринеско с одержимостью принялся за формирование экипажа.

Его заветной мечтой было создать дружный, знающий и умелый коллектив. Ближайшими помощниками стали инженер-механик лодки старший лейтенант Новаков, старшины групп Петровский и Старостин, боцман – мичман Терновский. Да и остальные члены экипажа были старательными и добросовестными. Все быстро прониклись общими с командиром заботами.

Для начала в Купеческой гавани тщательно проверили все узлы с механизмами, после чего приступили к ходовым и сдаточным испытаниям в Финском заливе. Спустя установленный срок, подняв военно-морской флаг, корабль вошел в боевой состав Флота.

Небольшой, но с новейшей техникой и грозный по своим боевым возможностям.

В то время третью бригаду подплава, в состав которой вошла «М-96», планировалось перебазировать в Палдиски. Это был небольшой эстонский городок на побережье залива, находящийся в шестидесяти двух километрах от Таллина. Там уже были развернуты береговая артиллерийская батарея и военный аэродром.

И вот в декабре тридцать девятого через льды, местами сковавшие Финский залив, «девяносто шестая» вместе с еще тремя «малютками» составлявшими 26-й дивизион, с помощью ледокола «Октябрь» пробилась из Ленинграда в новую базу.

Немыслимое дело для мирных дней! Как могло командование бросить лодки через льды? Но дело-то было в том, что уже начались боевые действия против шюцкоровской* Финляндии. Следовало укрепить ближние подступы к Ленинграду – усилить наши позиции на Балтике. И командование не считалось ни с чем. Ни с трудностями перехода, ни с возможностью повреждения лодок. Надо было спешить!

Трудным оказался тот переход: из-за штормовой волны надстройки и антенны покрылись льдом. Переднюю антенну, флагшток и дверцы в кормовой части рубки «М-96» оборвало, стойки на верхней палубе погнуло. Однако «девяносто шестая» и весь дивизион своевременно пришли на место

Обстоятельства диктовали, чтобы лодка ремонтировалась своими силами, а вместе с тем экипаж тренировался и сдавал курсовые задачи боевой подготовки. Доводил до полного запасы топлива, продовольствия, получал торпеды со снарядами.

Только тяжелые льды, покрывшие Финский залив, не позволили «малютке» уже в январе следующего выйти на боевую позицию.

Однако командирский почерк Маринеско был уже замечен и оценен первым его наставником – командиром дивизиона Юнаковым. Аттестуя Александра Ивановича за 1939 год, он писал:

«1. По деловым и политическим качествам должности командира ПЛ типа «М» соответствует.

2. Достоин присвоения воинского звания «капитан-лейтенант» в очередном порядке в 1940 году.

3. В военное время целесообразно использовать командиром ПЛ типа «М».

Да, Маринеско легко справлялся с самыми трудными заданиями. Тем более что с наступлением тепла «М-96» вышла для несения дозорной службы на меридиане Таллинна. К этому времени местом базирования «малютки» стал полуостров Ханко (Гпнгут), являвшийся частью Финляндии.

Он простирался достаточно глубоко в воды Финского залива, что позволяло кораблям удобно подходить к нему со всех сторон. Поэтому укрепления здесь начали строить еще с петровских времен – именно при Гангуте Балтийский флот одержал свою самую первую громкую победу над шведами в Северной войне.

Ко времени описываемых событий часть полуострова Советский Союз получил от Финляндии в аренду на тридцать лет.

По замыслу советского командования военно-морская база, расположенная на Ханко, позволяла контролировать вход в Финский залив с севера и сдерживать подход противника морским путем к Ленинграду.

Все лето и осень подлодка занималась боевой подготовкой.

Командир, вахтенные офицеры, специалисты вели отработку маневров погружения и всплытия. Потом настала пора торпедных стрельб, совместного маневрирования в составе дивизиона, буксировки «поврежденной» лодки в надводном и подводном положении. Задачи постоянно усложнялись.

Тем не менее, моряки справлялись с ними. «М-96» на «отлично» выполнила текущие и призовые торпедные стрельбы, заняв в итоге первое место в бригаде. Успехи экипажа были настолько высокими, что командующий флотом издал приказ о выделении морякам премии в три тысячи девятьсот рублей (сумма по тем временам огромная!), а народный комиссар ВМФ адмирал Флота Кузнецов наградил командира подлодки именными золотыми часами.

Одним из фантастических достижений экипажа и командира было срочное погружение лодки всего за девятнадцать с половиной секунд, тогда как по нормативу полагалось тридцать пять. Иные командиры даже не верили этому. Но факт был налицо. Как же помог опыт Мари-

неско другим командирам в годы войны. Сколько лодок, сколько экипажей спаслись от гибели благодаря этому!

За счет чего же были сокращены бесценные секунды? Прежде всего Александр Иванович стал плавать с открытым лючком носовой системы плавучести. Обычно она предохраняла корабль от зарывания носом в волну на ходу.

Перед погружением люк открывали вручную, чтобы носовая система плавучести быстро заполнялась водой. Этим ускорялось погружение. Однако открытая носовая система на ходу – это опасно. Заполнившись шальной волной, она могла потянуть лодку на погружение независимо от желания командира.

В результате Маринеско сначала ругали, предупреждали. Но жизнь заставила начальников изменить взгляд на существовавшие правила; они только усилили контроль за повышением внимания командира на мостике при открытой емкости. Надо ли говорить, как уверились после этого подчиненные, что их командир – личность творческая, ищущая, рискованная. А с таким радостнее и надежнее служить. Хотя и намного труднее, чем у других.

Новый 1941 год командир «М-96» встретил в звании капитан-лейтенанта и получил очередную блестящую аттестацию от начальства. В ней отмечалось:

«Повседневно связан с партийной и комсомольской организациями. Правильно нацеливает актив на выполнение задач боевой подготовки. В партийной, политической и общественной работе активен. Энергичен. Обладает хорошими волевыми качествами. Решительный и смелый. Сообразителен и находчив.

Умеет быстро ориентироваться и принимать правильные решения в простой и сложной обстановке. Способен пренебрегать личными интересами для пользы службы. Во взаимоотношениях с начальниками, подчиненными и сослуживцами тактичен и выдержан. Заботится о подчиненных.

Боевая и политическая подготовка личного состава хорошая. Корабль находится в высокой боевой готовности (1-я линия). В кампанию 1940 года подлодка заняла первое место по КБФ (приказ командующего КБФ № 06968). Является первым заместителем командира дивизиона подводных лодок.

Выводы:

1. Должности командира подводной лодки соответствует.
2. Достоин назначения на подлодку типа «С».
3. После кампании 1941 года может быть назначен комдивом* подлодок типа «М» XII серии».

В январе сорок первого после гарантийного ремонта лодка вынуждена была срочно возвратиться из Кронштадта в Ханко. В ту зиму свирепствовали морозы. Толщина льда в заливе доходила до метра, а торосы местами достигали двух. До острова Гогланд «девяносто шестая» шла на буксире вслед за ледоколом «Тазуя», а затем – самостоятельно, вместе с «М-97».

Рискованный переход оказался не совсем благополучным: льдами свернуло набор и загнуло форштевень корабля, вмяло листы обшивки на носовой надстройке. Загнуло обвод якорного клюза, помяло кормовую оконечность, сорвало гакобортный огонь* и оттяжку антенны; лопнул ряд швов электросварки, начали пропускать воду кингстоны двух цистерн главного балласта.

На обжигающем ветру (руки прилипали к металлу) занялись ремонтом. Подводники знали – никто за них не починит «малютку», и справились.

А ранним утром 14 июня лодка в очередной раз вышла в устье Финского залива для несения дозора. Вместе с экипажем в море отправился мичман-стажер училища имени М. В. Фрунзе Лев Ефременков, дублировавший штурмана Филаретова. Он определял место корабля, вел прокладку*, нес ходовую вахту.

Вступили в права белые ночи: еще не погасли последние лучи белесого солнца, а уже брезжил ранний рассвет. Поеживаясь от бодрящей свежести, Александр Иванович то и дело наклонял голову за ограждение мостика. Всмотривался вдаль. Уже не первый день «малютка» бороздила залив. Люди устали. Что-то беспокоило командира.

Хотя заканчивалась только неделя дозорной службы (не так уж и много), сам он тоже чувствовал усталость. Дозор был нелегким. Каким-то суетливым.

То погружаясь на перископную глубину, то всплывая, подлодка раз за разом пересекала устье залива. И каждый раз, когда она приближалась к фарватеру, по которому ходили иностранные суда в Ленинград и из Ленинграда, Александр Иванович замечал странное явление: борта некоторых судов обшиты досками. Для чего?

И еще одно. Едва на судах обнаруживали «малютку», как там начиналась суматоха: люди становились на шлюпочные тали, иногда шлюпки поспешно вываливали за борт, и команда садилась в них.

«Судовые учения?» думал командир. «Но почему именно в этом районе? Почему у всех одно и то же?»

А с вечера 20 июня, когда «М-96» находилась в районе маяка Бенгтшер, до четырех часов утра 21 июня Маринеско обратил внимание на особо оживленное движение в заливе: по нему прошло тридцать два транспортных судна. Причем абсолютное большинство под германским флагом. «Так вот что беспокоило меня» пришел к выводу. «Закономерность всех этих «случайностей» Это неспроста!..» Он составил короткое сообщение, затем вызвал на мостик радиста Бережного.

– Зашифруйте и передайте в штаб флота!

Не знал командир, не ведал никто из балтийцев, что всего лишь сутки отделяли в этот миг нашу страну от жесточайшей войны...

Первые ее дни объяснили и предназначение тех самых досок, которыми обшивали борта немецких транспортов. Как вскоре выяснилось, они нужны были как защита бортов при постановке мин, в обилии заполнявших их трюмы.

Глава 4. Война. Первая победа Граждане и гражданки Советского Союза!

Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление: Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, [германские войска](#) напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбёжке со своих самолётов наши города – [Житомир](#), [Киев](#), [Севастополь](#), [Каунас](#) и некоторые другие, причём убито и ранено более двухсот человек. Налёты вражеских самолётов и артиллерийский обстрел были совершены также с [румынской](#) и [финляндской](#) территории.

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то, что между СССР и Германией заключён [договор о ненападении](#)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.